

ИЗ СОЧИНЕНИЯ «НЕЧАЯННЫЕ МЫСЛИ О ДУХЕ НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ»

Фридрих Шлейермахер

Мы публикуем отрывок из книги Фридриха Шлейермахера, представителя немецкого романтизма, протестантского теолога и одного из создателей современной философской герменевтики. Книга «Нечаянные заметки о духе немецких университетов» написана в особую историческую эпоху образования «Рейнского союза» немецких государств. Все более острым становился вопрос консолидации немецких земель, который помимо политической имел и свою культурную основу – языковую общность. Новые формы государственности влекли преобразование и других институтов, и прежде всего, научных и образовательных учреждений, что ставило проблему их отношений с новообразовавшимися государственными структурами и потребовало определения степени их автономии и овладения средствами достижения и утверждения такой автономии. Это принимало форму конкретной проблемы – отношения Академии наук и немецких университетов, с одной стороны, и их ответа на потребности государственного управления и государственного строительства, осуществления, как бы мы сказали теперь, информационного контроля над обществом, с другой.

Ключевые слова: Шлейермахер, герменевтический круг, немецкий университет, Пруссия

FRAGMENT FROM “GELEGENTLICHE GEDANKEN ÜBER UNIVERSITÄTEN IN DEUTSCHEM SINN NEBST EINEM ANHANG ÜBER EINE NEU ZU ERRICHTENDE“

Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher

These are some chapters from the book by Friedrich Schleiermacher, the important representative of German romanticism, protestant theological thinker, and one of the founders of the contemporary philosophical hermeneutics. The book «Some Casual Notes about the Spirit of German Universities» was written in the special historical epoch of formation of the «Confederation of the Rhine». The consolidation question of German states was becoming acute which had acquired (except from the political one) also a cultural dimension of the language unity. The new forms of state organization required the reformation of the scientific and educational institutions. It posed the problem of the autonomy degree of Academies and Universities in Germany. One had to elaborate media of establishing such an autonomy. It assumed a more concrete form of the problem concerning relations between Academies and Universities at one side, and their responses to the needs of the state administration and the state construction (informational control over society) at the other side.

Keywords: Schleiermacher, hermeneutic circle, German university, Prussia

Глава 5. О наделении учеными званиями

Здесь, несомненно, речь идет о наиболее устаревшей части наших университетов. Схоластическая форма диспутов превратилась в пустое потешное сражение: да и поскольку и ко всему остальному относятся не особенно серьезно, то и доверие ко всем присваиваемым ныне университетским званиям опустилось ниже всякой сатиры. Недоставало бы лишь еще, чтобы масштаб наивысшей скорости зада-

вался тем, как быстро студент превращается в доктора философии. Но самое значительное доказательство этой всеобщей дискредитации состоит в том, что государство зачастую не считает эти звания достаточными даже для того, чтобы без дальнейших экзаменов разрешить их обладателям осуществлять практику в судебных палатах или в медицинских учреждениях, что и в самом деле предполагает такую неудовлетворенность государства университетами, что можно только удивляться, как оно все-таки еще их признает и поддерживает. Только лишь в бывших малых имперских землях и имперских городах, которые сами не имели университетов, – возможно, по малому знанию положения вещей, – еще сохраняется уважение к этим званиям, которое и приличествует их идее. И все-таки такие публичные присвоения случаются большей частью по велению государства или в отношении к нему. Так бывает, когда некоторый институт не сохраняет ясного сознания своих целей и, следовательно, упускает возможность преобразовать себя постепенно в соответствии с ними. В этом случае, позднее, уже никак не оказать ему помощи, кроме как через большую и радикальную реформу. И лишь через нее можно возратить утерянное уважение и к тем учеными степеням, которыми наделяет университет.

Подлинное определение ученого звания легко распознать, если придерживаться того, что было сказано ранее. Если будет существовать научный союз в виде некоего оформленного общества, то должно наличествовать и некоторое оформленное действие, благодаря которому отдельный человек обособляется из массы остальных и принимается в этот союз. Поскольку же в гимназиях это обособление не может происходить в строгой и подлинной форме, ведь в университет должны допускаться еще и все те, кто завоевал в школе лишь предварительное право стремиться к этому принятию в научный союз, то это действие может осуществляться лишь в результате продолжительной карьеры в университете. Но само это принятие в союз и решение о присвоении звания связаны теснейшим образом, и последнее может происходить лишь благодаря тому, что посредством такого действия формируется единоголосное суждение тех, кто принимает в этот союз, и тех, кто этот научный союз при этом репрезентирует. Этим объясняется и форма таких действий в самом общем смысле. Должно быть задокументировано, что отдельный человек воспринял в себя дух науки в качестве принципа; это происходит через собеседование, через диспут, что и побуждает его раскрыть характер своего мышления и показать, к каким комбинациям он способен. В основе всего этого лежит древнее положение, что диалектический вывод должен доказать на деле, было ли произведено нечто наработанное в научном духе, или же нет. Но далее следует и задокументировать способность принимаемого в союз к дальнейшему формированию науки. Поэтому он должен доказать на деле, насколько он освоился на некотором отдель-

ном поле реального знания, как и то, насколько он осведомлен как о его прогрессе, так и о потребностях в этом знании; что должно осуществляться через подробное изучение диссертаций или через собственнo устные экзамены. Так, с необходимостью должно случиться так, что как в принимаемом в союз, так и в его судьях, если только одна из партий не затаила злого умысла, образуется совершенно то же самое суждение. Ведь одновременно с продуктом, каковой дает наглядное представление о его состоянии, также и его собственное самоощущение должно развиваться аналогично этому продукту. Окончательное принятие в союз состоит лишь в символических обычаях, которые и завершают это действие.

Итак, дело выглядит абсолютно просто; правда, оно будет гораздо более запутанным при его ближайшем рассмотрении. Ведь в университет попадают многие, кто пусть и не развился в подлинные члены научного объединения через живое объединение научного духа и таланта, но в силу своего таланта все-таки вобрал в себя множество сведений и достиг умений, тем самым сформировав в себе столь много благоговения и пристрастия к тому, что происходит в собственно научной области, так что можно ожидать того, что в приложении своих талантов они будут руководствоваться научным духом. Это – рабочие на поле науки. Но то, будут ли они рассматриваться как члены союза, и следовательно, пусть и в некотором другом смысле и другим образом, также будут им восприняты, или же, засвидетельствовав их отличия, этот союз лишь рекомендует их своим членам в качестве полезных орудий для определенных предметов, – все это зависит уже от того, насколько строгий или широкий смысл имеет это понятие союза, которое может быть правомерным и в том, и другом случае. Но и среди подлинных членов союза проявляется различие в их отношении к союзу. Именно их талант, как мы имеем обыкновение говорить, может быть более практическим или более теоретическим, и соответственно их образ мысли и образ жизни может выражать характер ученого или характер политический. Последние, как бы они ни были пропитаны научным духом, все-таки в большей степени стремятся к тому, чтобы познанное представить реальным образом, объединить науки с жизнью, а ее плоды перенести в эту самую жизнь, нежели работать на ради самой науки и образовывать ее. Но лишь те, однако, кто ставит себе последнюю задачу, занимают наивысшее положение в научном союзе; лишь они занимают должности в университетах и академиях, а если они участвуют в общественных делах, то рассматривают это, так же как и обучение, лишь как второстепенное дело. Лишь они одни суть подлинные доктора, от которых, тем не менее, в большей мере следует требовать доказательств их полного знания о состоянии некоторой особенной науки и большого мастерства в обращении с ней. Именно здесь, на своем месте, должны они испытать свою ученость, причем

всегда таким образом, чтобы они постоянно показывали нечто замечательное для данной области. Доктор, который при своем вступлении в это звание не оставит тотчас же некоторого личного отпечатка, приковывающего всеобщее внимание, который не стереть в течение всей эпохи жизни данной науки, – такой доктор собственно и недостоин своего звания. То, что возвышающийся до этого звания ученый пожелает далее связать с таким испытанием для доказательства своего таланта в области образовательной задачи, более всего зависит от него самого, – будет ли это ученая беседа или всего несколько лекций об определенном предмете. Или же, если он пожелает выбрать форму диспута, которая собственно наименее здесь подходит, ведь только в схоластические времена теологии, из которой эта форма и была заимствована, все могло быть во всем, то этот диспут следует лишь ориентировать на ту цель, чтобы он, как третейский судья собственно спорящих, проявил в себе способность так направлять ход их речи, чтобы предмет стал ясным, и препятствовал бы тому, что они благодаря взаимному непониманию запутывались все глубже и глубже.

Итак, каково же правильное соотношение факультетов в их намерениях присуждать эти звания? То, что эти свидетельства, – или, по крайней мере, самые низкие степени, – должны присваиваться самостоятельно каждым факультетом, понимается само собой, поскольку в этом случае речь идет лишь о знаниях, приобретенных в рамках его особой области. То же самое относится и к высшему званию докторов, в той мере, в какой оно отделяется от предшествующей средней степени и всякий раз за ним следует. Это, бесспорно, наиболее правильно, поскольку всякий, как только он почувствовал в себе живой научный дух, будет стремиться и к внешним знакам этого превосходного свойства, а то, влекут ли его талант и склонности более к практическому или теоретическому, как правило, решается лишь позднее. Соответственно, здесь, в свою очередь, при соискании этого высшего звания имеют дело лишь с областью всякого особенного факультета, и каждый факультет, исходя из этой предпосылки, может самостоятельно осуществлять это присвоение. Однако то, может ли присуждение этого первого звания – поскольку оно одновременно является и принятием в общий научный союз и при этом здесь имеет значение лишь дух и способность познания вообще, – быть делом отдельных, в большей степени позитивных факультетов, которые лишь через их связанность с факультетом философским могут репрезентировать научный союз, или же, напротив, оно должно следовать – пусть не исключительным, но предпочтительным образом – на факультете философском, – все это, конечно, достойно глубоких размышлений.

Факультет теологический здесь, видимо, лучше всего придерживается того, что требует природа вещей. Самое низкое подтверждение учености он имеет обыкновенно заверять лишь свидетельствами;

следствия различий между двумя степенями проявляются еще лишь там, где факультет проявляет себя больше как специальная школа, а не там, где он вместе с другими факультетами, в том числе и философским, органическим образом объединяется в некоторый университет. В случае присвоения своего докторского звания, однако, он предполагает наличие философского звания и оставляет возможность философскому факультету самостоятельно представлять эту более низкую степень, конечно, предполагая, что свидетельства получены на самом теологическом факультете.

Очевидно, по меньшей мере, что при этом первоначальном принятии в союз должен быть привлечен так же и философский факультет, поскольку никакой другой, кроме него, единственным образом и сам по себе, не репрезентирует непосредственно единство научного союза. В рамках самого этого факультета, однако, в свою очередь, с некоторыми вариациями проступает то же самое отношение, которое имеет место между ним и другими факультетами, ибо философский факультет именно в себе самом образует некий центр, философию в узком смысле, а по многим внешним сторонам – реальные науки. Он может выдавать свидетельства о степени лишь в отношении исторических и естественнонаучных сведений; ведь тот, кто обладает лишь сведениями о более высокой философии, не имея научного духа, если отвлечется о того, что о таковых вряд ли кто-либо спросит, то он обладает ими лишь в историческом смысле. Две эти степени должны однако различаться между собой, поскольку все, кто желает, выйдя из университета, связать свою жизнь или с государственным управлением, или с разработкой природных богатств для государства в некотором широком смысле, должны образовать в себе научный дух в достаточной мере, и тем не менее, могут быть и лишены чего-то такого, что никак не должно отсутствовать у того, кто ощущает в себе призвание преподавателя. В рамках обеих степеней каждый всегда может обращаться к некоторой определенной ветви реального знания, на котором он преимущественно хотел бы основываться; поэтому и кроме философов в более узком смысле преимущественное положение в качестве судящих могли бы занимать те, кто разрабатывает эту ветвь, причем это было бы наиболее желательным, ведь в результате ни одна область не оставалась бы тогда закрытой для принимаемого в союз; во всяком случае, однако, должно быть так, чтобы тот, кто получал бы звание доктора, тому присуждалось бы звание доктора философии как таковая, без какого-то приложения к ней, которая бы указывала на некоторую отдельную дисциплину. Ведь тот факультет, который преимущественно и репрезентирует единство всех наук, которые без него со всех своих сторон во многом оставались бы во мраке, должен и в своих торжественных деяниях определенным образом выражать это

единство. Присуждать степени докторов истории или эстетики было бы чуждым для науки и смехотворным, и если это и будет произвольно введено, то не обретет постоянства и не утвердится в истории.

При этом повсеместный обычай использования латинского языка во всех этих действиях и предметах не представляется существенным, а лишь отвечает прежнему грубому и ненаучному состоянию нашего языка. Конечно, поскольку большинство при этом состоянии ощущали бы искушение к разнообразным фальсификациям, такое образование немало способствовало тому, чтобы ученое звание получило свою добрую славу. Но чем дальше мы продвигаемся, тем больше, конечно же, этот, давно завершивший свое развитие язык должен показать нам свою непригодность для изложения научных идей – за исключением филологической, и возможно, математической области. Какой выигрыш должны мы получить от того, что то, что превосходно может быть сказано на немецком, посредством выражается на языке римском? Достаточно и того, что помимо этих областей римский язык в чистой и возвышенной форме являет нам себя по таким общественно-значимым поводам, которые требуют в большей степени популярного и прекрасного, нежели научного и основательного изложения, а также там, где оратор по своему желанию углубляется в область античного образа мыслей и воззрений.

Примерно так образуются ученые звания, рассматриваемые исключительно исходя из точки зрения научного союза; но на что же должно здесь обратить внимание государство, или вообще ничего не учитывать? Оно все-таки связывает себя с научным объединением и осуществляют заботу о нем или же подчиняет его основанным им самим учебным учреждениям, чтобы естественным образом находить сведущих и высокообразованных мужей для задач, в которых оно испытывает потребности. Но согласуется ли это с тем, что оно не доверяет суждению этого союза и не направляет свою деятельность в соответствии с ним? Можно различить между более низким служением государству и более высоким. То, хорошо ли, что предназначенные для более высокой области поначалу все-таки долгое время влачат существование на более низкой ступени; и то, насколько правильно мнение, что лишь тот, кто достаточно долго осуществлял более низкую службу, может быть достаточно искусен и для более высокой, – все это не может быть здесь исследовано; но различия в деловых качествах являются очевидными и хорошо известными. На более низкой ступени государственной службы есть достойная область, которая требует знаний научного рода.

Если университет выдает отдельному человеку от имени научно-го союза свидетельство о том, что он обладает этими сведениями, то я не знаю, какой смысл тогда должен иметь еще и экзамен, который государство назначает чиновнику; и если оно полагается лишь на по-

следнее свидетельство, то нельзя понять того, зачем тогда оно требует обязательного посещения университета. Этот дополнительный экзамен вовсе не должен был бы свидетельствовать о квалификации отдельного человека, а нужен был бы лишь для того, чтобы узнать о том, для каких задач особенно подходит данный человек, и о том, каким количеством из малого числа тех навыков и наблюдений он уже обладает, которые, во всяком случае, могут быть получены лишь благодаря упражнению.

Для более высокой службы он нуждается не только в этой массе благоприобретенных сведений, но и в способности обозреть целое, в правильном суждении об отношении отдельных частей, в сформированной всесторонне комбинаторной способности, в богатстве идей и вспомогательных средств. Если все это упорядочено и внушает доверие, то тот, кто славится этим даром, должен быть допущен в святилище науки. Поэтому и открывает государство это святилище своим будущим слугам и лишь из него стремится их набирать.

Если же свидетельства научных учреждений, выданные целесообразно и строго, не являются здесь самым главным, то на что же тогда опирается государство? То предубеждение, будто кому-либо благородного происхождения, или вообще классу, притязающему на более высокие задачи, едва ли приличествует принимать ученую степень, и он уже сам исключает себя из этих дел и обречен оставаться в школьной пыли, – едва ли может быть оправдано и должно исчезнуть, если государство и университет понимают себя самих и друг друга. Напротив, более высокая государственная служба как раз только и должна быть открыта этим людям; именно тем, кто, обладая таким благородным достоинством, выбирает исключительно политическую карьеру, должны надеяться быть поставленными управлять высшими задачами, а тех, кто в облачении достоинства преподавателей посвящают себя преимущественно наукам, государство должно уметь использовать в качестве смотрителя, советника во всем, что подпадает под их особенный предмет. И все-таки такое изменение в современной практике университеты должны были бы подготовить сами; они должны оживить свои божественные формы, им более не следует играть со званиями, которыми они наделяют, и злоупотреблять ими, сводя их к пустым названиям.

Приложение к книге. О необходимости учреждения нового университета

Утверждают, что Прусское государство – даже и в его уменьшившемся объеме – ощущает потребность заменить утерянный ныне университет Фридриха на некоторый другой, учрежденный заново, и поговаривают, будто уже решено учредить его в Берлине. Предложенные мысли большей частью пишутся и публикуются как раз теперь в этой связи, и они не выполнили бы своей цели, если по меньшей мере кое-что не было бы добавлено в приложении к данному случаю.

Ощущение, которое порождает этот проект, конечно, весьма положительное и требует к себе внимания. Это доказывает, что Пруссия не только не отказалась от призвания, которое она столь долго в себе упражняла – позитивно воздействовать на образование высшего духа и именно в нем искать своей власти, но, напротив, желает начать сначала; это, далее, совершенно определенно доказывает, – и это, пожалуй, является не менее многоценным, – что Пруссия не хочет изоляции, но стремится в этом отношении оставаться в живой связи со всей целостной естественной Германией. Она уже имеет два провинциальных университета. Кенигсберг – для немцев за пределами Пруссии, или, напротив, – для северных немцев, ведь ни в какой связи нельзя сказать, что собственно (Восточная – пер.) Пруссия была бы менее немецкой, нежели Бранденбург; Франкфуртский же университет – для южных провинций. Но оба эти учреждения по своей природе не способны на что-то большее; Франкфурт к тому же слишком далек для того, чтобы привлекать к себе иностранцев, что для большого университета имеют непреходящее значение; и для того, чтобы сдерживать предрасположенность к чрезмерно вычурному интеллектуальному существованию, которая так сильно поражает в собственно Пруссии и которую можно обнаружить и в королевских саксонских университетах. Франкфурт был хорош лишь как миссионерское учреждение для поляков, о которых теперь Пруссия, надеюсь, будет меньше заботиться.

Чтобы повысить свое значение, университет также должен создаваться совершенно по-новому, да и зачем государство должно расточать силы, которые для этого необходимы, в плохо расположенном месте и ради преобразований очевидно второстепенного и во многих отношениях дурного учреждения, что непременно оказывается столь же неблагодарной, сколь и трудной работой, в то время как с практически равным напряжением оно способно возвести новое?

Но почему же именно в Берлине? Потсдам, правда, вряд ли придет на ум сведущему человеку, ведь университет в небольшом городке в непосредственной близости с самыми привилегированными военными и двором, которому обязательно сообщать все мелочи, и

вблизи столицы, – это было бы самая удивительная мысль из тех, что могут прийти в голову. Бранденбург, однако, и Хавельберг, – это города средней величины и ближе к границе, а значит, они удобно расположены для иностранцев и обладают возможностью постепенного привлечения больших фондов на благо университета, – такого рода города любому покажутся более предпочтительными, нежели Берлин.

Но не следует ли привести и преимущества такого необычного выбора, которые предоставляет исключительно Берлин? Их, правда, легко увидеть, поскольку это богатейшее в прусских государствах сосредоточие учености, талантов, всевозможных выражений искусства; поскольку он вбирает в себя многие институты, которые поддерживают университет и благодаря связи с ним, в свою очередь, способны приобрести новый блеск или более высокий характер; поскольку одновременно он предлагает и самые формы образовательной жизни, и высшие достоинства, к которым способен подняться активный юноша в каждом научном предмете, и которые непосредственно предстают перед его взором. Ведь это такие преимущества, которых всегда были лишены все те университеты, что принесли основную пользу науке и государству.

Но и Берлин в качестве такого учреждения имеет очевидные недостатки, проистекающие из обширности города, дороговизны в удовлетворении нужд, легкости развлечений, разнообразия терзающих искушений, протирания штанов (*Ofensitzerei*) многими юношами, которые здесь воспитывались уже в школе, здесь же учатся в университете и сразу же рекрутируются в управление; и собственно можно сказать, что со всех сторон должны с необходимостью появляться недостатки, которые особенно легко бросаются в глаза широкой публике и которые затруднили завоевание доверия к этому новому учреждению, которое и без того должно было бы сражаться с разнообразными проявлениями зависти.

Итак, пришел ли как раз теперь тот момент, когда ради тех преимуществ, скорее, относящихся к блеску университета, чем к сущности, стоило бы отважиться на столь сомнительный бой с указанными недостатками? Тот, кто принесет столь значимые убытки, тот не может легкомысленно спекулировать, но должен снова открыть надежное предприятие, чтобы поднять свой кредит.

Уже при прежнем правительстве, в период, когда Прусское государство вообще не имело потребностей в учреждении нового университета, одним весьма образованным писателем, который одновременно обучал принца и руководил театральными постановками, был составлен план создания большого учебного заведения в Берлине, которое не являлось собственно университетом, и все же должно было оказывать университетские услуги. В этом проекте не было недостатка в изяществе и великолепии, как и в придворной изысканности.

Между тем проект этот не был осуществлен, если не рассматривать возникшие к этому времени две специальных школы как попытку положить начало университету такими отдельными частями этого целого, – и все же едва ли можно было здесь рассчитывать на центр и его живую силу, – которые лишь приводили к пограничным конфликтам с существующими университетами.

Главным намерением без сомнения было постепенно подорвать готическую форму и цеховое устройство старых университетов, в особенности же – искоренить так называемый студенческий дух, который эти робкие люди полагали в высшей степени пугающим и губительным. Такие доморощенные образовательные опыты, где определенная потребность естественным образом еще не рождала соответствующих мер, и где не формировалось полноценное воззрение на реформы в виде знаний о том, как благое по своей сущности начинание и нынешние злоупотребления сталкиваются друг с другом, как и о том, на чем и то, и другое основывается, – всегда останутся сомнительным делом. Тот, у кого есть время и сила, и кто не устрашится играть и с важными вещами, тот мог бы на это отважиться. Но разве можно верить, что мудрое правительство в настоящих обстоятельствах одобрит таким образом возникший план, автор которого не блещет особенно своим зрелым пониманием строго научной области, но, напротив, дискредитирует себя односторонней популяризацией этого предмета, и главным намерением которого было подорвать тот дух, который – при возможном искоренении его перегибов и извращенных выражений – теперь больше чем когда-либо следует пытаться тщательно сохранить как средство единения лучшей части будущего поколения и охранения подлинно чувства отечества? Конечно, мы не можем этого ожидать и в особенности потому, что и этот метод в целом, состоящий в том, чтобы вырвать реальные науки из их связанности с философией и либо основывать их на произвольной теории, либо стремиться к превращению их в чистую эмпирию, – давно уже отжил свое.

Видимо, – чтобы объяснить подобный выбор места нового университета, если Берлине все-таки он не найдет существенно лучшего положения, чем где-то еще, – не остается ничего другого, как указать на явную необходимость того, почему он вообще может существовать только в Берлине; и это легко показать. Ведь если бы прямо сейчас он и был основан и начал свою деятельность, и если бы его положение и вправду было бы таким, что при таком болезненном начале он не смог бы обещать долгой жизни, в любом случае ни в каком-то другом месте он бы не нашел все те средства вспомоществования, которые необходимы для процветания университета. Ведь если бы он и получил там в избытке финансовую помощь, то библиотеки, собрания древних памятников, ботанические сады, анатомические, минералогические

и зоологические кабинеты невозможно создать в одно мгновение; и как в наши дни мог бы превосходный университет представить себя публике, если этот важный атрибут превосходства у него как раз и отсутствует? Это, конечно же, является столь очевидной причиной, что можно уже и не искать никакой другой.

Если, следовательно, университет должен жить в Берлине не ради какой-то особенной роскоши и великолепия, но лишь ради того, чтобы суметь начать свою непосредственную жизнь и быстро развиваться, то необходимые для этого меры, кажется, должны взаимно упорядочиваться так, чтобы прежде всего озаботились бы тем, что необходимо университету для самостоятельного существования; затем подумали бы о том, как бы избежать тех особенных изъянов, угроза которых в особенности проистекает именно из Берлина; и лишь после всего этого и в той мере, в какой это более необходимое уже не страдало от указанных изъянов, можно было бы начать рассмотрение и того, как можно теперь правильно использовать те особенные преимущества, которые предлагает Берлин.

Что касается самого первого, то, прежде всего, уже то, в каком виде искомые и необходимые средства вспомоществования наличествуют в Берлине, кажется, не благоприятствует независимости университета, если только не желать подчиниться власти или входить в строение других учреждений, а это, в свою очередь, вызвало бы ее ненависть. Там, где университет не должен использовать ничего другого, кроме того, что вообще разрешено квалифицированной публике, там он и действительно должен рассматриваться лишь как ее умножение, и трудностей не возникает.

Так, что касается библиотеки, то у учащихся должны быть особые читальные залы в университетском здании, и книги из библиотеки должны поступать туда всякий раз на имя некоторого профессора или вообще – университета. Однако постепенно нужно, конечно, начинать думать и о собственной подручной библиотеке, состоящей из наиболее важных трудов, которые чаще всего запрашивают и которые нужны остальной публике и не могут долго отсутствовать в Королевской библиотеке. В других институтах лучшим выходом из положения могло быть назначение ее настоящих смотрителей профессорами их науки при этом университете, и, действительно, разве можно желать лучшего, нежели найти такого, как *Вильденов* для ботаники, и такого, как *Карстен*, для минералогии?

Но это еще не всегда может помочь, особенно если наряду с университетом есть горная академия и медицинско-хирургический коллегийум; в этих условиях либо у университета, либо у обеих этих корпораций, которые находятся под совершенно другим надзором и имеют совершенно другое предназначение, связаны руки относительно их будущего; отчасти это противоречит подлинному духу универ-

ситета, тому, что лишь он *один* должен иметь исключительные полномочия или быть предназначен к тому, чтобы учить науке. Здесь и возникает, пусть сложная, но все-таки не неразрешимая задача – создать проект инструкций и предоставить гарантии того, что университет не откажется ни от чего, что требует его сущностная природа, и все определенные прошлые права сохранялись бы за ним, насколько это возможно. Нечто похожее могло бы иметь место с намерением основать анатомический кабинет и ветеринарную школу, хотя последняя, пожалуй, легче всего и с выгодой для себя могла бы быть некоторым образом объединена с университетом.

И все-таки не только в отношении средств вспомоществования, но и в отношении к персонам преподавателей и учащихся стоит задача, которой можно и не решить: в самом начале гарантировать университету его независимость. И именно, если, например, составлять преподавательский персонал, пусть не исключительно, но преимущественно, из таких ученых, которые живут в Берлине в каких-то других условиях жизни, то они вполне могут оказаться людьми, мало озабоченными свободным существованием университета. Известно, как захватывает деловая жизнь, в особенности если она точно расписана и изощренно разработана, и ученые, однажды вжившиеся в нее, свое назначение в университет будут неизменно рассматривать лишь как второстепенное дело, не многим отличающееся от лекций, читать которые они приучены уже теперь. Сюда же добавляется то, что по причине своих других они ограничены во времени таким образом, который не очень-то совместим с естественным порядком жизни учащихся юношей. То же самое относится и к тем, кто назначаются в более высокие или особенные школы в качестве преподавателей, и сверх того, должны усваивать еще две совершенно различные методики преподавания, что может оказаться труднее, чем это полагают. Университет не должен зависеть от таких коллизий; и вообще, если университет становится для большинства преподавателей лишь второстепенным делом, то вскоре станет он таковым и для учеников; и вопреки всем тем превосходным вещам, которые университет в себе объединяет, он обнаружил бы в этом случае мало доверия и мало бы его заслуживал, ибо в скором времени стал бы напоминать лишь известные административные коллегии, при которых тоже никогда нет недостатка в превосходных мужах и на которые все-таки всегда жалуются и именно потому, что и для всех этих мужей они являются лишь второстепенным делом.

Конечно, совершенно необходимым является назначение преподавателей, которые не занимаются ничем иным, кроме ученого ремесла, и не видят необходимости претендовать на какое-то другое, в наименьшей же степени – административное, и которые одновременно уже имели практику в качестве университетских преподава-

телей и заслужили здесь признание, – причем их нужно набирать в таком количестве, чтобы самое существенное на всяком факультете могло быть выполнено уже благодаря им одним. И лишь в этом случае можно будет заявить, что университет стоит на крепких ногах. Наконец, университет не должен – и в настоящих условиях меньше всего – зависеть от благополучия родителей, которые полагают, что имеют достаточно средств для обеспечения своих сыновей во время их пребывания в Берлине. Этим путем университет получил бы лишь небольшое количество утонченных и знатных или заносчивых и не особенно прилежных учащихся, большей части которых преподаватели, которые добросовестно занимаются наукой, не смогли бы привить достаточно желания и любви к ней.

Еще ни один университет не обходился без фонда поддержки, таковой должен быть создан в особенности для Берлина. Если он будет управляться согласно составленным выше принципам, то отпадет и озабоченность тем, что таковая поддержка будет приманивать лишь неумелых и невоспитанных бедняков. Особенно целесообразным, однако, было бы для Берлина то, что такая поддержка выражалась бы ни в наличных деньгах, а в бесплатном и одновременно почетном покрытии существенных потребностей – в жилье, питании, отоплении. Благодаря этому было бы легче привлечь частное богатство к тому, чтобы и оно участвовало в этой поддержке. Правда, не только надо позаботиться о настоящих потребностях, но и что-то сделать в связи с чаще всего необоснованным страхом чужеземцев перед безмерной дороговизной в Берлине. Этому, конечно, уже во многом способствует надежда, что всякий прилежный учащийся, а не только беднейший, может обратиться к общественной поддержке.

Далее надо позаботиться о том, чтобы кто-то из общественных властей, по меньшей мере на начальном этапе, взял на себя посредничество между учащимися и владельцами домов и столовых в деле заключения дешевых контрактов, и в том, чтобы различные цены, которые они устанавливают, обнародовались надлежащим образом с тем, чтобы каждый мог быть уверенным в том, чтобы быстро и легко найти то, что соразмерно его имущественному положению. Нужно воспрепятствовать еще и тому, чтобы слишком увеличивалось количество уроков, преподаваемых студентами для облегчения своего положения. В Берлине это, правда, это порок процветает больше, чем где бы то ни было. Лучше всего было бы этому воспрепятствовать благодаря мерам, которые исходили бы не из университета, но от органов, которым вменяется в обязанности надзор за обучением в целом.

Что касается развлечений, то в целом те разнообразные поводы к развлечениям всякого рода нужно было бы рассмотреть среди пороков, которых прежде всего и следует опасаться в Берлине. Но и они не являются уж очень большим злом, как об этом иногда полагают.

Достопримечательности самого города и его окрестностей и все, что понимается под именем диковинного, является опасным лишь благодаря его новизне, а значит, лишь в первое время. Естественно, если университет будет сосредоточен в одной части города, и при этом, возможно, не в самой блестящей – в центре, то самый прилежный ученик легче сможет игнорировать то, что происходит в других частях города. Прежде всего, однако, увеселений и празднеств, которые в свою очередь требуют много издержек, поскольку стоят времени, и на вершине всего этого – театральных и музыкальных постановок, как раз можно опасаться в меньшей степени, и именно ввиду больших расходов на них. Если же учащийся будет долгое время оставлять непокрытыми свои необходимые потребности и большую часть своих поступлений расточать на такого рода развлечения, то скоро будет он доведен до весьма жалкого состояния.

И этого, конечно же, можно достичь, если только действительно найдут применение законы о кредитах в отношении несовершеннолетних. И действительно, это в Берлине легче, чем в любом другом месте, поскольку здесь ни один класс горожан не испытывает необходимости жить почти исключительно за счет студентов и следовательно – соперничать за их благосклонность. Но также будут больше остерегаться не совсем почетных долгов все те молодые люди, которые, покидая университет, не ускользнут от своих кредиторов, но останутся в Берлине, чтобы здесь искать свое первое назначение, и благодаря этому установится господство более серьезных взглядов на эти вещи.

Но лишь бы не возникала злосчастная идея комиссии по платежам! Ведь все уже убедились в том, насколько, по всем собранным сведениям, плохо все это организовано. И нет ничего в мире, что бы больше противоречило сущности университета. Если образование характера поступательно развивается соразмерно образованию научного духа; если юноша познает меру и соотношение своих склонностей, то должен он обладать и свободой в том числе и в своих расходах вводить то одни, то другие прямо противоположные пропорции; он должен познавать как удобства, так и опасности упорядоченности или беспорядочности и всего того, что к этому относится, с тем, чтобы вступив в деятельную жизнь, не оказался бы неопытным, но представлял бы умудренным мужем, который уверен в правильности своего собственного образа жизни.

Эта свобода является необходимой, пусть и всегда будут иметь место отдельные случаи злоупотребления ею; но последние случаются ведь и в более поздние периоды жизни, и было бы пагубным такое положение, – и дурным было бы обращение к правительству по всякому поводу, – когда бы нам ничего не оставалось, кроме как отказываться от необходимейшего блага ради искоренения подобных злоупотреблений.

Разве наше законодательство и полиция не должны здесь, как ни в одной другой области, преуспеть настолько, чтобы выполнить чистую задачу возможно большего ограничения злоупотребления без того, чтобы пожертвовать существенными преимуществами свободы?

То же самое относится, пожалуй, и к необузданностям в особенности полового влечения и страсти к игре, от которых со страхом ожидают несказанных несчастий для университета, который был бы образован в Берлине. И правда, это опасные рифы. Но только не более опасные в Берлине, чем в любом другом месте. И всегда, покуда Берлин останется столицей и совсем не отречется от своего прежнего характера, будут там находиться многие молодые люди, более богатые и склонные к более роскошным забавам, чем учащиеся, и поэтому те классы, которые живут за счет безнравственности молодежи, направляют свое преследования больше на первых, чем на вторых.

Напротив, в городах поменьше студенты представляют собой почти всю молодежь, на которую обращают внимание и направляют исключительно на нее все искусство оболыщения; обстоятельство, благодаря которому это различие между городами должно быть тщательно взвешено; и как бы ни выглядело в некоторой резиденции всякое зло более блестящим и более соблазнительным, чем в других местах, но все-таки то, что является самым изысканным и самым блестящим в этом роде, очень быстро превосходит денежные возможности студента, который по своей природе повсеместно ведет свободный образ жизни. Поэтому в данном отношении имеет место лишь двоякая необходимость. С одной стороны, следует усилить бдительность полиции по отношению ко всем соблазнительным учреждениям, чтобы они, например, следовали закону, который сейчас никто не смеет и провозгласить, о том, чтобы с большей строгостью исполнять их столь часто игнорируемое право в отношении игровых домов, если там встретятся студенты; чтобы, далее, обнародовать, что вообще не принимаются жалобы по делам, связанным с развратом, против известного класса молодых людей, в который естественным образом попадают студенты. В этом случае, однако, должно осуществляться все возможное, чтобы оберегать студентов от более низкого рода общения и удовольствия и поддерживать среди них в этом отношении строгие понятия о чести. Если же оставлять им лишь низкие общение и развлечения, предадутся они тогда и низжайшим видам соблазна и затем с необходимостью потеряют свой облик.

Оба предложения связаны с двумя важными вопросами, которые мы не можем оставить непроясненными; первый из них о том, какому начальству должны подчиняться студенты. Другой же о том, как студенты должны рассматриваться в обществе. Что касается первого, то теперь нет никого, кто бы ни осознавал нецелесообразность собственных университетских судов, и можно сказать, что

уже долгое время эта нецелесообразность особенно ощущалась в прусских университетах. Нас увело бы слишком далеко историческое освещение этого вопроса и демонстрация того, насколько современные условия отличаются от тех, в которых это учреждения первоначально создавалось.

С другой стороны, должно, правда, существовать некое средство предостережения для опасных субъектов и даже их удаления, даже если они пока еще не совершили ничего такого, что бы повлекло жестокое преследование со стороны обычных судов. Поэтому, видимо, следует связать оба момента. Во всем, что квалифицируется как судебная жалоба, студенты подчиняются обычным властям; но одновременно должна наличествовать и дисциплинарная комиссия, составляемая из руководителей университета, которая не только могла бы накладывать некоторые штрафы в качестве полицейских мер воздействия и даже исключать студентов из университета, но и от которой зависели бы сами власти в делах о жалобах некоторого рода, которые бы, надлежащим образом рассмотренные, отсылались бы в университет, и затем публиковались бы и исполнялись по авторитетному решению этой комиссии.

Тот, кто тщательно продумает эти меры, увидит, как благодаря им можно с легкостью устранить множество трудностей. Лишь пока еще существует разнословная подсудность, начальство над студентами не может не являться начальством над экзимирированными (от *ex imo* – исключаю, пер.). Таковым является преподавательское начальство, и в основном оно составляет форум сословия, к которому они приближаются. И уже поэтому не может быть иначе, что и студенты-дворяне не могут оспаривать его прерогативы, и среди самих студентов должны быть искоренены, насколько это возможно, всякие следы сословных различий.

Что же касается второго вопроса об отношении к студентам со стороны общества, то здесь, конечно, речь должна идти не столько о том, что должно иметь место, сколько о том, что вероятнее всего будет иметь место, и в соответствии с чем и следует пытаться направить общественное мнение. Многие озабочены тем, что студент будет чувствовать себя в Берлине чрезвычайно одиноким и представлять несчастным, совсем незначимым человеком, что было бы действительно большим минусом. Однако разве всякий хороший преподаватель не считает своим долгом вовлекать своих более отличившихся учеников в свой общественный круг и тем самым доказывать свое уважение и близкое участие? Разве не получают многие студенты рекомендации от своих родителей к их знакомым?

Обо всех них в этом отношении проявляется достаточно заботы, и, напротив, учитывая подвижность берлинского общества, лишь следует опасаться, что возникнет чересчур много возможностей при-

мкнуть к общественным развлечениям, и что благодаря многочисленным и ранним близким контактам с обществом и укоренившемся в нем нравам может быть утерян характер студенческой свободы и ее благотворное воздействие.

С другой стороны, эти общественные связи не могли бы быть всеобщими; те, кто получил здесь предпочтение, легко отделились бы от своих товарищей, а оставленные вниманием именно благодаря этому либо оказались бы совершенно изолированными, либо выискивали бы общества менее влиятельные и более низкого рода. Поэтому в Берлине было очень важно способствовать развитию студенческого братства, где и найдет свое место подлинный и свободный стиль жизнь, а также – духу их собственного сообщества; важно заставлять их ощутить, что уже как студенты, как именно те, на кого возложены важнейшие надежды отечества, они уже получают известную степень общественного уважения и внимания, которых они должны быть достойны; и поэтому является целесообразным, что к земляческим связям, которые будут образовываться тем надежнее, если их целостность будет составлять характер университета и гимнастические упражнения будут в порядке вещей, станут относиться с терпением и умно ими управлять; чтобы не запрещался всякий способ выделиться внешне и чтобы позволялось в известных условиях публичное и почетное появление и представление студентов в качестве корпорации. Таким образом лучше всего можно было бы установить правильную температуру во всем их отношении к остальному обществу.

Благодаря тому, что таким образом защищается и сохраняется своеобразный дух университета и так необходимая студенческая свобода, одновременно в какой-то степени исчезают дурные следствия того, что всегда значительная часть молодежи не изменяет своего местопребывания и находится в стенах университета, как и в стенах школы, продолжая жить в отчем доме. Ведь, чтобы получить уважение, которое вызывается принадлежностью к корпорации, они должны держаться в ее рамках, и легко вызываемая насмешка над теми, кто и в свой университетский период желает остаться исключительно при своей семье, неотделима от подлинного студенческого чувства, способного свободно развиваться. И превращение общественной поддержки в предоставление питания и приюта вносит некоторый вклад в то, чтобы вырвать отдельного человека из ограничивающей его семейной жизни, и поэтому следует придать такой характер всем бенефициям, предназначенным берлинцам.

Если же первоначальные учреждения в целом были утверждены именно в указанном смысле – так, чтобы гарантировать независимое существование университета и по возможности ограничивать изъяны, которые могут быть вызваны его расположением в Берлине, то – если

и только если все существенное будет сохранено именно так – можно задать вопрос и о том, как самым лучшим образом можно использовать те особые преимущества, которые предоставляет Берлин.

Прежде всего, бесспорно то, что Берлин есть место, в котором, даже и в будущем, чрезвычайно легко обеспечить университет преподавателями доцентами, за исключением собственно спекулятивной дисциплины, которую, вероятно, было бы полезно заимствовать извне. Что же касается других ветвей, то выше уже подробно разбиралось то, как у ряда закончивших свое первое научное образование, появляется нерешительность относительно того, обладают ли они большим талантом и способны ли приложить свое умственные способности и образ мыслей в делах управления или же на учебной кафедре. В иных местах этот выбор делается весьма поспешно или же решение принимается лишь в соответствии с внешними обстоятельствами. И однажды сделанный выбор оказывается, чаще всего, необратимым. Однако в некотором месте, которое объединяет в себе одновременно и центр управления, и университет, всякий человек имеет возможность пройти достаточную экзаменационную проверку. Он способен открыть обе двери, и довольно долго стоит перед обеими, пока его собственный внутренний раскол не заставит его принять убедительное решение, и тогда одно возвысит его талант как нечто более значимое над другим.

И даже самые коротенькие цветения преподавательского таланта не должны пропасть в подобном месте: и в том, кто – если однажды пропитал его научный дух – возможно где-то посреди выполнения своих управленческих задач вдруг настолько разовьет в себе такую своеобразную идею, что почувствует, что он мог бы создать о ней ясное, радикальное и воодушевляющее представление; или в том, кто в ходе своих второстепенных для него научных занятий мог бы развивать некоторую отдельную ветвь, убеждая всех, что его открытия или его своеобразные методы можно с пользой применить на кафедре, которая сможет их освоить.

Мы также часто замечали, – в особенности у тех, кто в качестве преподавателей занимают историческую сторону здания науки, – как начинают отцветать прошлые таланты университетского преподавания и склонность к практическому и политическому применению науки вновь брала верх. Нигде такое естественное превращение не может осуществляться мягче и легче и через постепенный переход, нежели в столице, так что, с одной стороны, последние еще способны продолжать использовать и выражать свой дар обучения, а с другой стороны, – ни один из тех, желание и сила которых уже не прилагается к университету, поскольку он не может найти свое подлинное место, является для университета бесполезным бременем.

Этого преимущества, однако, можно достичь лишь в той мере, в какой государство доверяет тому, что тот, кто жил наукой и проникнут ее идеями, так же способен мгновенно постигать необходимые эмпирические частности, легко перерабатывать их в знания о предметах, и благодаря своему более высокому таланту продолжить период своей службы; лишь в той мере, в какой он в организации всего своего управления позволяет сильнее проступить ранее существенному различию между малозначимым служением и службой более важной; лишь в той мере, в какой распределение ученых званий в качестве неизбежного квалифицирования как начинающих университетских преподавателей, так и тех, кто желает поступить на высокую государственную службу, может быть укреплено на таком основании, что они снова могут вернуть себе всеобщее доверие, и потеряет всякую пищу тот предрассудок, что тот, кто занимается наукой, тот одновременно демонстрирует свою неспособность и нежелание заниматься настоящим делом.

В этом случае университет в Берлине помимо всех других мог бы иметь то преимущество, что получил всегда и исключительно свежих, энергичных, увлеченных преподаванием учителей в правильном соотношении с учащейся молодежью.

Затем университет мог бы показать себя с выдающейся стороны благодаря изобилию преподавателей наиболее редких специальностей и технических дисциплин, чрезвычайно удаленных от центральных областей познания. Прежде всего, стоит здесь вспомнить о уже существующих в Берлине специальных школах, хирургической школе, строительной школе, школе горного дела; ведь мы их не хотим называть академиями, где преподавание вплоть до самых мельчайших деталей внешнего аппарата и умений обращаться со вспомогательными средствами направлено на конкретные науки, преподавание, которое собственно для учащегося должно быть открытым с тем, чтобы он мог бы себя испытать и до некоторой степени образовывать, а также познакомился бы с внешней стороной научной области.

Некоторым, скорее, случайным и неоднозначным образом эти заведения могли бы оказаться полезными для университета, если бы только задействованные в них преподаватели получили разрешение на то, чтобы преподавать существенные для их учреждения дисциплины также и в университете. Можно создать и нечто более значительное, если эти учебные заведения некоторым образом объединить с университетом. Теперь они пользуются особенным уважением. Наряду с предметом, которому они были посвящены изначально, они получают и преподавателей всеобщих дисциплин, что удивительным образом будет выделять эти находящиеся вблизи университета учреждения.

Возможно, следует их поделить на две части; одна из них была бы школой, и работала бы с теми, кто посвятил себя данному предмету, не стремясь при этом к научному образованию. Другая, более высокая

часть объединилась бы с университетом; ее воспитанниками были бы студенты в полном смысле этого слова, а учителями – профессора, а само преподавание входило бы в преподавание университетское. Более низкие классы могли бы также вступать во взаимодействие с учеными школами, а последние – благодаря таким посредническим звеньям – входили бы в более близкую общность с самим университетом, так что обе части, не лишая себя в чем-то их своеобразности, все-таки снова могли бы рассматриваться как некоторое целое; и столица и в этом отношении могла бы продемонстрировать самый явный чувственный образ единобытия всех частей в их целостности.

То же самое, с другой стороны, наконец, могло бы быть осуществлено и в отношении к академиям наук. Между ними и университетом, как мы уже увидели, существует естественная общность; преподаватель университета работает, постепенно переводя результаты работы в академии, и у большей части сотрудников академии остается еще время, которое ему хочется посвятить исполнению отдельных функций университетского преподавателя. Эта общность могла бы здесь организовываться в высшей степени желательным способом, и как раз, исключая положение, когда оба учреждения оказались бы формально едиными и перестали бы выражать им одним свойственным образом своеобразность свой цели и сущности, но лишь так, чтобы через те отдельные вещи, которые по праву принадлежат им обоим, постепенно и на всю жизнь осуществлялись бы переход и дружеская связь обоих ученых заведений, в которой они в свою очередь наглядно представляли бы единство всех научных организаций. Эти влияния, которые мы приписали академии и ее сотрудникам, и необходимая для нее повсеместно и неограниченно оберегаемая свобода самообновления, в достаточной степени защищает от того странного воззрения, будто академия есть лишь учреждение для приема отживших свое профессоров; напротив, в научной республике они рассматриваются исключительно как досточтимое собрание старейшин.

Однако и университет, обращая свой поиск то к этой, то к вышеуказанной связи, не должен представлять в качестве предпринимающего это исходя из односторонней потребности, как будто бы без этих опор он бы оскудел и обрел неприглядный вид; так как будто бы эти учреждения должны пожертвовать от своей независимости на благо университета. Напротив, и они должны выступать как независимые и самостоятельные, а их связь должна являть собой сближение, желаемое всем тремя составляющими. Ведь то, чего может быть отвоено в этой области, конечно же, никогда не принесет пользы, если это будет несправедливым имуществом. Поэтому, если не желать все испортить, не следует думать вначале ни о чем другом, кроме того, чтобы учредить университет, который, насколько это возможно, существовал сам по себе.

И даже, чтобы более четко показать, что не представление об этих будущих преимуществах требует наличия университета в Берлине, но давление момента, чаще всего объясняют, будто он лишь временно должен там разместиться, собрать силы с тем, чтобы получить все, что ему необходимо. Если же окажется, что многообразные изъяны Берлина не позволят с собой совладать, то – не позволяя ослепить себя некоторыми преимуществами такого положения – университет переведут в другое место, как можно быстрее. Но, будем надеяться, в этом, пожалуй, не будет никакой необходимости. Но благодаря заявлениям о подобном решении и поползновениям – при необходимости – в сторону его реализации, университет обретет моральное доверие, и в соответствии с масштабами его независимости сформируется настроение, которое добавится к последнему упомянутому преимуществу.

Итак, учреждается научная организация, которая не имеет себе подобных, и благодаря своей внутренней силе приступает к завоеванию следующей области, выходящей за теперешние границы прусского государства, так чтобы Берлин превратился в средоточие для всякой научной деятельности северной Германии, в той степени, в какой там господствует протестантизм, и с этой стороны придает будущему предназначению Прусского государства надежное и устойчивое основание. При наличии такой перспективы должны ведь исчезнуть всякие мелочные предрассудки и опасения, и останется лишь пожелать, чтобы правительство, составившее этот проект, поскорее почувствовало в себе способности приступить к его исполнению.

Перевод с немецкого *А.Ю. Антоновского*